

Т.Б. Любимова

Судьба России с точки зрения концепции Единой Духовной Традиции Р.Генона

Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить семи ее печатей.

И.В.Гёте

В чем привлекательность позиции Р.Генона? В том, что с этой позиции открывается безграничная панорама вариантов Единой Духовной Традиции, где каждая культура и каждая конкретная традиция обретают свое место. Что может дать эта позиция для понимания России? Сам Генон Россией не интересовался, но мы можем экстраполировать его воззрения в этом направлении.

Размышляя о судьбах стран и народов, обычно пользуются довольно неопределенными понятиями «истории», «традиции» (чаще всего путают понятия традиции и обычая), «современности», что вполне объяснимо, ведь это не является областью строгой науки, здесь даже не приходится рассчитывать на «истину факта»; ясно, что история сочиняется заинтересованными лицами, ими же задается образ современности, не говоря уже о поддельных «традициях». Философы «современности» обычно противопоставляют себя классике, взятой на какой придется исторической глубине, чаще всего это немецкая классика или греческая античность. Естественно, что она при этом оборачивается одновременно детективным романом и научной фантастикой. Нет более предательской позиции по отношению к «любви к истине», ведь этой любви изменяют с «духом времени». Современность — это очень расплывчатое понятие, если она не присутствие трансцендентного, то тогда она скользит по оси исторического времени, а то, что видно и бросается в глаза, оказывается для большинства самым интересным. Однако на деле для Абсолютного Духа (если по Гегелю) все представшее в современности пребывает в давно прошедшем времени, иными словами, «современность» всегда уже слишком устарела, а то, что поистине современно, то есть наиболее близ-

ко подошедшее к моменту настоящего времени (решающего, так сказать), как правило, никому не известно, история творит в тайне, а истина и любовь к ней никак не зависят от современности и от времени вообще, хотя и разворачиваются в нем; но это так, если речь идет о первофилософии. Западная же философия, и русская как ее вариант, — это немножко логика, немножко комментариев к трактатам предшественников, а остальное литература и филология, словесность в полноте смысла этого слова. Но это не то «слово», которое способно сломить печати, запечатлевшие ушедшую из виду Духовную Традицию, лежащую в основе единства всех культур как прошлого, так и современности.

Ссылки на историю и различные истоки и взаимовлияния культур на более или менее произвольно конструируемые судьбы племен и народов почти ничего не дают для понимания России, ее наилучшего способа существования среди других стран, ее геополитической роли, как теперь это принято называть. Но для прояснения этой роли нужна какая-нибудь рамка соотнесения. Очевидно, что разработанные геополитические схемы нацелены на господство и расширение европейской (а теперь и в американском варианте) цивилизации, Россию же эти схемы по своей скрытой интенции учитывают только как пространство, ресурсы, не имея в виду ее собственное самоопределение, возможность существования для самой себя, а не в качестве источника ресурсов и склада отходов.

К сожалению, эта вынужденная роль России в мировом сообществе стран исполняется ею давно. Старания утверждать самодостаточность России ссылками на религию, то есть как страну православного христианства, называя ее на этом основании самостоятельной цивилизацией, не могут приниматься всерьез (в масштабе исторического времени). Именно в этом качестве, как страна православия, она как раз и принуждается к роли европейской глубокой провинции, окраине цивилизации. Православие здесь, отнюдь не способствующее свободному размышлению, легко пренебрегающее «умствованиями» в пользу веры (даже, скорее, чувства), не только не превращает Россию в самодостаточную и самостоятельную цивилизацию, но в интеллектуальном отношении вынуждает ее быть всегда на шаг позади Европы. В России в последние века в калейдоскопическом порядке мелькают все европейские умственные начинания, течения и влияния, приобретая здесь нередко гротескный характер. С этой точки зрения по отношению к европейской цивилизации Россия оказывается всего лишь окраиной, даже более того, границей, за которой ледяное безмолвие, ничто, и поэтому все яв-

ные завоевательные походы с Запада здесь как бы обрушивались в бездну. Граница могла несколько сдвигаться к северу или к югу, не переставая быть границей.

Россию часто называют мостом, посредником между Востоком и Западом, некоей смесью или синтезом. Но и это тоже надо признать преувеличением. Правда, действительно, на территории России географически сходятся Европа и Азия¹, Запад и Восток, но их опосредование или синтез всегда был и остается для России большой внутренней проблемой. Может быть, как раз эта проблема и «выбрасывала» ее из истории. Россия вне истории (Гегель называл русских неисторическим народом) потому, что она на самом деле не является настоящим государством, а лишь страной, несмотря на то, что книги об истории такого государства постоянно пишутся, причем эта история все время оказывается другой. У страны же есть только география, этот «посредник между миром природы и миром духа», так в неокантианском духе ее назвал немецкий геополитик К. Хаусхофер. В стране, то есть у нас, нет власти, а есть только управление, властвующий — это тот, кто в силах заботиться о стране, управляющий же не хозяин (а мы знаем от С.Н. Булгакова, что цель хозяйствования сверххозяйственная, идеальная), управляющий не будет заботиться о долгосрочной перспективе. История есть только у государств. В государстве нет потребности часто принимать законы, управление же может часто менять законы. Государства в России в исторически обозримом времени еще не было, оно только постоянно строилось. Властвование и управление — суть вещи двух разных уровней; и Советский Союз, и Российская империя были только управлением, да и для него возникают постоянные трудности в пространстве с такими растянутыми коммуникациями и редким населением.

Однако в отсутствии духовного начала власти, государство, очевидно, строится не на высшем авторитете, а на страхе, то есть человеческие сообщества сцементированы коллективным страхом, но страх отнюдь не есть родовой признак сознания, а лишь организованного именно таким образом; современное государство — это кристаллизованный коллективный страх, который рассеивается только индивидуальным знанием. Рассеивается страх — рассеивается давление государства. Поэтому у человека есть только два пути: 1) стремиться к личному знанию или же 2) впасть в животное состояние, свойственное массам. Но страха в обществе становится все больше, а истинно знающих все меньше; страх провоцирует неправильные ориентации действия, это запутывает линии судьбы, и Парки режут их наобум! Поэтому основная задача человека, в особенности современного, — это трансформировать страх в личное знание.

Истинное государство — это теократия, то есть власть истинной иерархии (папа Григорий VII, придумав это слово, имел в виду папство, но мы опустим вопрос, как папство относится к истинной иерархии). В настоящее время истинной иерархии (иерархия — означает власть священного) нигде нет, все иерархии сами себе присваивают или каким-то образом стяжают свои места, так как иерарх — это не только права, сколько обязанности, главная же обязанность состоит в заботе о подвластных. Традиционный властитель не нацелен на управление, подавление или обогащение. Он есть посредник между «небом и землей», проводник космических влияний. Н.В. Гоголь писал именно об этом в своих странных, в глазах обывателя, выражениях («Выбранные места из переписки с друзьями»).

В империи возможности трансформировать страх во что-либо более достойное сокращаются, она становится скопищем людей, в той или иной мере не владеющих собой, а руководит ими тот, кто вообще себе не принадлежит.

«Император» означает управитель, почти что оператор, очевидно, его статус в истинной иерархии значительно уступает статусу властителя, который не только управляет, а осуществляет власть над подданными, то есть он отвечает перед высшими силами за их судьбу и благополучие, он реализует заботу. Управляющему же безразличны судьбы управляемых, он в равной мере может управлять и машинами, управление имеет смысл только на ступени социальности, то есть на вполне определенной ступени отчуждения сущности человека. Цепь отчуждения, его ступени начинаются от момента зачатия; здесь реализуется тождество человека со Вселенной, следующая ступень — момент рождения, когда еще связь с космосом не оборвалась, но тождества уже нет, а есть отделенное существование в закрытой телесной и энергетической оболочке. Следующая ступень отчуждения — получение имени, фамилии; следующая — пробуждение пола; затем следуют ступени отчуждения — более или менее полное освоение языка, образование, прохождение набора социальных ролей; последняя ступень отчуждения — смерть. Это возврат к космическому сознанию, пробуждение. В этом смысле социальность есть абстракция определенной ступени разрыва космических связей человека, определенная мера глубины его сновидения. Управление относится только к социальному уровню, власть реализуется и на других уровнях сознания.

В России, конечно, тоже не было истинной иерархии, ведь нельзя же род Романовых считать представителями таковой. Весьма странно даже их появление на Руси (из Прибалтики, наверное, через Лит-

ву из Европы): упоминается некий родоначальник Роман Кобыла, весьма странное имя, если оно не цыганское, то указывает, по крайней мере, на то, что родом этот Кобыла был из Рима; кличка тоже непонятная, может быть, это был каббалист, прибывший из Рима, а писец записал его непривычное «имя» (специализацию, так сказать) знакомым ему словом. Иногда, впрочем, указывают и на другого Романа, что менее важно, чем тот факт, что в лице последнего большого наследника мы имеем символ вырождения этого правления. Причем «удерживающим», если воспользоваться православной терминологией, был вовсе не Николай II, а именно Г.Распутин (он ведь был провидец и говорил, что если его убьет кто-то из простого народа, то Россия удержится от потрясений, а если кто-то из царского окружения, то империя погибнет). Но исторические предубеждения сильны и часто все меняют местами. Деградация власти и ее представителей неизбежна, если она, власть, в духовном и оккультном плане является лишь подделкой.

Россия как единая страна есть пока что абстракция, в ее истории еще не было такого образования, как государство, которое надежно охватывало бы собою, заключало бы в себе и олицетворяло бы собою единство всей страны. Единство это пока еще только негативное, поэтому и восприятие его извне неутешительное. Европейская часть страны, очевидно, воспринимается как задворки западноевропейской цивилизации; Сибирь рассматривается Китаем как «северные территории» (аналогично Курилам в глазах Японии), как пустое, незаселенное место. Урал и Волга разделяют Россию и потенциально представляют собою то место, куда стремится расширяться исламский мир; Америка тоже мечтает «прирастать Сибирью».

Единство России как страны формально и негативно. В истории часто так бывает: противостояние общему внешнему врагу отвлекает центробежные силы от взаимных противоречий. России не надо выдумывать внешних врагов, их всегда много, хотя об этом дипломатично не говорят. Однако «придумать» неформальную и позитивную объединяющую силу тоже весьма трудно. Ясно, что надежды на религию не оправдываются, религии, скорее, разделяют, тем более так называемые мировые религии, каждая из которых сомасштабна духу империи, и похожи они скорее на партии, чем на духовные образования (у них есть организации, взносы, программы, социальные и политические цели и т.п.), естественно, что они борются между собой за влияние на умы, как политические партии в многопартийной системе человечества.

Россия никак не может быть империей; она всегда будет очень быстро как империя распадаться (в рамках исторического времени), ведь империя соответствует уровню управления, а не властвования, должность императора — военачальник, то есть управляющий войной. Поэтому империи всегда и рассыпаются: от проклятий покоренных народов. Тем более не может быть она и монархией, во-первых, потому, что этот тип управления изжил себя исторически, во-вторых, современное состояние мира, дух времени, так сказать, не позволяет появиться достойной и соразмерной для исполнения соответствующих ролей личности, чему есть глубокое исторические, духовные и оккультные причины (слово «оккультные» мы берем в буквальном смысле, а не как знак принадлежности к определенным школам, претендующим на тайное знание).

Мировые религии соответствуют империям как способ духовного управления способу технического управления. Имперское управление (император-военачальник есть олицетворение насилия) по иерархическому статусу ниже царского властвования. В идеальной фигуре царя (понятно, что в истории России мы такого не найдем) должны согласовываться энергетическое, социальное и плотное «тело», с одной стороны, и сущность человека, с другой. Энергетическое «тело» и его воздействие на окружение нередко подменяют понятием харизмы, на самом же деле, это самое внешнее и необязательное его проявление: лицо царя может быть неприступным и непроницаемым, тогда как лицо раба всегда угрюмо и забота его тяготит. Главное здесь в том, что очень приблизительно можно назвать магической одаренностью человека. Властелин должен быть прежде всего магом. Цари-маги — признак традиционной культуры. Цари-маги принесли свои дары младенцу Иисусу, в христианской доктрине это означает на деле расщепление духовной и светской власти, то есть магическая одаренность царя объявляется мировой религией, в данном случае христианством, необязательной; эта роль отделяется от царя и передается «специалисту», религиозному водителю; никакая подлинная теократия с этого момента становится невозможной. И с распространением монополий мировых религий на духовное управление подлинные теократии не находят реального воплощения, оставаясь лишь мечтою, а происходит это от того, что расщепляются магическая (энергетическая) и социальная, а следовательно, и другие составляющие упомянутой идеальной фигуры царя. В новое время нет царей, остались лишь одни названия, но нет исполнения и наполнения этих наименований. Россия, как большой оптический прибор, как гигантская линза, увеличивает все подобные расщепляющие исторические процессы.

Растянутость коммуникаций делает видимыми и значимыми такие проблемы, какие при близком контакте решаются сами собой и без всяких специальных усилий. Помимо увеличения чисто технических трудностей, здесь возникает чувство дали, необъятного пространства, своего рода отрешенности, а также здесь совершенно другая энергетика (понятно, что в горах одна энергетика, в песчаной пустыне другая, а в лесах третья) и другие духи места, о чем прекрасно были осведомлены люди традиционных культур, а сущность человека должна соответствовать пространству, энергетике и духу места, быть, по крайней мере, сомасштабной им.

Традиционный человек знал, что Земля живое существо, а значит, по аналогии с любым живым существом, она обладает и определенным энергетическим строением, а к этой стороне они были гораздо более чувкими, чем современный человек. У нее есть аура, энергетические каналы, киноварное поле, точка сборки, чакры и, вообще, к ней можно приложить любые понятия любой энергетической доктрины, созданной людьми, а большая часть ее энергий и соответствующих энергетических образований людям, конечно, остается неведомой, особенно, если они ограничивают круг своего познания физическими взаимодействиями, к которым современная наука, в принципе, стремится свести все объяснения.

Чтобы найти истинную рамку соотношения для понимания России, надо принять масштаб, сопоставимый с ее пространством. Очевидно, что это нелегко, ведь все социальные, геополитические и исторические доктрины разрабатывались людьми, масштабы понятий которых заданы «тесным» пространством, которое они стремятся расширить; понятно поэтому и их желание разделить неохватное для этих тесных понятий пространство. Но неизвестно, хорошо ли это было бы для них, для России, для судьбы всего человеческого рода, не лишится ли этот род зеркала, в котором отражаются и фокусируются мировые, в том числе и космические, воздействия.

Чтобы понять роль России, надо занять точку зрения Земли. Но чтобы суметь эту точку зрения занять, надо уже быть на определенной высоте иерархии человеческих существ, например, быть хотя бы философом в истинном смысле этого слова. Сейчас же, поскольку представителей (по качеству своего подлинного существа, а не по социальному статусу и не самоназваниям) высших каст (или типов человека) на Земле нет, они как бы выветрились за прошлые эпохи «безумной истории, рассказанной идиотом», то вряд ли можно сыскать и этот тип философа, способного быть на чьей-то высшей, чем своя собственная, частная, точке зрения.

Уже давно замечено, что когда сильная половина человечества перестает нести ответственность за судьбу своего рода, то важные и ключевые роли начинают принимать на себя женщины, так, например, только женщина имеет право остановить (в более архаических сообществах) исполнение кровной мести. То, что на «троне» — в роли царя, императора, президента, — оказались лица женского пола, говорит о глубоком неблагополучии в устройении социального порядка; в России нередко, до революции, во главе правления стояли женщины, что говорит о неразвитости, вторичности форм правления в России, известных в историческое время. Иными словами, стремление к власти, эта духовная болезнь, тираническая страсть, может быть, одна из самых коварных страстей («воля к власти», вспомним, была провозглашена как норма больным человеком!), поражает даже более устойчивую к болезням разного рода, то есть женскую половину рода, ведь абсолютная власть — это уничтожение объекта. То, что «комплекс власти» не только психическая, но и духовная болезнь, хорошо показал Г.П.Климов в своих книгах.

Показательно, что автор концепции Единой Духовной Традиции Р.Генон рассматривал большевистский режим в России как крайнее проявление западного антитрадиционного духа. И в этом нельзя с ним не согласиться. Так что вся критика Советского Союза в любом отношении должна быть перенаправлена в адрес самих же критиков, если они выступают с позиций преимуществ западной цивилизации, потому что получается (если продолжить мысль Генона), что это именно Запад, через посредство наиболее активных современных «номад», объективировал и спроецировал на пустой для него экран, на Россию, свою собственную, но утаиваемую от самих себя «империю зла».

Когда Россию представляють воображаемым посредником между Востоком и Западом, то эти понятия берут в очень приблизительном, номинальном смысле. Ведь это утверждение может быть верным, пожалуй, только в географическом отношении, а в любом другом оно сразу теряет свою определенность. Исторически то, что теперь Запад, было когда-то в культурном и духовном смысле Востоком. С другой стороны, когда создают какие-либо теоретические построения о возникновении, становлении, существовании и нисхождении с исторической сцены цивилизаций, то их сопоставляют по каким-то, довольно внешним параметрам, которые доминируют или отсутствуют в той или иной цивилизации. Такие противопоставления, как «открытое-закрытое», «священное-светское» или же использующие смену каких-нибудь других ценностей, могут быть в определенной мере случайными. Этот процесс может выстраиваться и в согласии с

более масштабными схемами, как, например, в философии истории Гегеля, у которого страны Востока представляли собою разные варианты еще недостаточно раскрывшейся мировой идеи по сравнению с Западом; по отношению к такому рода западоцентризму и любому другому «прогрессизму» концепция Р.Генона меняет оценки на прямо противоположные. В определенном отношении, Генон — это Гегель наоборот. Весь ход человеческой истории для него — это, скорее, развертывание от изначальной высшей духовной ступени путем постепенного забвения высших принципов и истин и дегенерация до современного состояния, самого бедственного в духовном отношении, а значит, и во всех прочих моментах, во всем стиле жизни, которое он находит на Западе, причем это не непрерывный прямолинейный процесс, а циклический.

Очевидно, что ни в гегелевском, ни в геноновском варианте Россия не может быть посредником между Востоком и Западом, она оказалась вне даже столь масштабных исторических схем. Все исторические процессы идут как бы на какой-то внешней стороне, на поверхности (несмотря на то, что самые «непобедимые» в Европе завоеватели именно от России потерпели поражение). Россия — это как бы некий маховик неизвестного дотолу человеку двигателя или снежная лавина, нависающая над всем цивилизованным миром, находящимся «под горой», на плодородных землях; в России заключены какие-то планетарные силы не столько исторического, сколько магико-космического плана. До нашего времени ни Западу, ни Востоку не удалось задействовать эти силы, что, возможно, и к лучшему, ведь, в действительности как Запад, так и Восток имеют и всегда имели дело не с Россией, а со своими собственными здесь эмиссарами.

Россия — не Восток и не Запад, здесь не прививаются с легкостью взятые извне ценности и ориентиры, как это бывает в других странах. Они не становятся «своими». Это видно, например, на идее труда. Труд — это чисто локальная западная идеология. Даже свои завоевательские проекты германские геополитики представляли как «вспашку», то есть как труд. Труд — это зона отчуждения человека от сущего, впрочем, всегда напрасная попытка. Это прежде всего социально организованное насилие через навязывание маршрутов (пространственных схем), расписаний (временных схем) и технологий (схем физических усилий). Характер этих схем должен задаваться местными условиями. Навязать России эти схемы (неорганичные для нее) весьма сложно, труд, то есть «намеренное страдание», никогда не будет здесь ценностью, добровольно принимаемым обязательством. Прямая противоположность этому — Германия, здесь хорошая

организация труда, а сам труд является положительной ценностью. Германия — это образцовое государство западной цивилизации на Западе (как Япония западная страна на Востоке, где тоже труд положительная ценность); Германия, в глазах Генона, это страна антитрадиционной духа; Россия, по его мнению, тоже антитрадиционная страна; но ведь победа России во Второй мировой войне не была простой случайностью, и не большевизм победил фашизм, а победило стоявшее на стороне России «намерение Земли», если употребить магический термин, чему, как хорошо известно, есть определенные свидетельства. Тем не менее претензии на то, что Россия является самодостаточной цивилизацией, не принимаются ни Востоком, ни Западом: это страна, которой на протяжении всей ее истории управляли пришлые чужеземцы, да и население которой тоже приходило из разных мест, проходило сквозь нее, частично оседая. «Нация» — это основное понятие, вокруг которого (идеологически) строятся при своем становлении буржуазные государства, так называемые «национальные государства», для таких пространств, как Россия, есть нечто совершенно нереальное. Согласно Генону, нация есть понятие антитрадиционного духа. Единство нации — это всегда миф, если, конечно, народ долгое время не живет на каком-то изолированном острове, но как всякая идея, начинает «формовать» события, как только внедряется в сознание. По крайней мере, в России нет единства по национальному признаку; высший слой населения, правители и цари, все были пришельцами, начиная от варяг. Какова была программа прибывающих пришельцев, таково же соразмерно было и сопротивление мерам проведения в жизнь этих программ (а меры были — насильственная христианизация местного населения, «огнем и мечом», рабство и крепостное право, сопротивление — бунты и побеги; так, например, во времена Петра I население страны сократилось наполовину, часть погибла, остальные разбежались). Причем властвующие пришельцы тоже не бескровно друг друга вытесняли. Так, например, правящий слой — бояре — это бывшие варяги, точнее конкретный ранг в варяжских дружинах, «болярин» означает старший дружинник. Что это были за дружины? Это были просто сухопутные разбойники (викинги — это морские разбойники, «идущие по ветру»). Второй исторически правящий слой, потеснивший бояр, дворяне, все бывшие ордынцы; почти все дворянские фамилии в России татарские: Карамзин, Аксаков, Набоков и т.п. Доказательством «на дворянство» Г.Р.Державина было происхождение «от рода Багрима мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Темном»². Это дворяне первого призыва. Во время правления Рома-

новых усилился приток европейских пришельцев. Немцы, французы, евреи, голландцы, англичане, итальянцы пополняют правящий слой. Значительный приток крещеных евреев. После 1917 г. можно говорить (в отношении состава правящего слоя) как бы о восстановлении хазарского каганата (Сталин обозначил эту реставрацию со свойственным ему мрачным юмором, приблизив к себе Кагановича), реставрация каганата продолжается и позже. Интересно, что все предшествующие правления терпели поражения на территории России, правда, по разным причинам. Князья, как это свойственно и современному криминалу, воевали между собой и убивали друг друга; ордынцы, утратив воинственный дух, предпочли комфорт и удовольствия. Современных хазар, видимо, ждет тот же крах, что и древних. Таков естественно-исторический процесс «смещения языков».

Эмиссары Запада толкуют о том, что Россия должна стать на путь «цивилизационного развития», а их противники утверждают, что Россия — самостоятельная цивилизация и не надо ей никуда вовлекаться, тем более что вовлечение ее в этот процесс было бы подобно стрельбе из пушек по нависающей снежной лавине. А вернее всего было бы сказать, что незачем ей вовлекаться в спор между Востоком и Западом, между ушедшим традиционным духом и материалистически ориентированным Западом. Но скрытую мощную потенцию страны невозможно отрицать, окажется ли она позитивной или негативной для остального мира, остается загадкой. Сейчас Россия оказалась окружена «Западом» со всех сторон, за исключением, пока, юга.

В книге Р.Генона «Восток и Запад», написанной довольно давно, в первой половине прошлого века, удивительно точно даны оценки странам, характерные тенденции развития которых обнаружили лишь во второй половине XX века. Так, например, Р.Генон не считал Японию восточной страной. Япония самая западная из всех восточных стран; и действительно, та страсть, с которой она устремилась по пути научно-технического прогресса, специфически характерного для антитрадиционного духа Запада, подтверждает это. «Восточность» осталась только как декорация. Понятно, что Восток и Запад — это не географические наименования, а оценки духовного качества. В XX веке те страны, которые дольше всего не порывали связь с Традицией, такие как Индия и Китай, волей-неволей стали вынуждены подчиняться диктату «научно-технического прогресса». Духовные же и интеллектуальные элиты, по самой своей сути не вовлекающиеся в этот самый прогресс, просто уходят из поля зрения, становятся недостижимыми. А на Западе как раз в это время возникает интерес к восточным религиям. Кроме искателей прибылей, на Восток устремляется огромный наплыв

туристов, искателей истины или каких-нибудь духовных достижений. Очевидно, однако, что они там получают лишь то, чего достойны, то есть они встречаются только потолок своих собственных представлений; Генон советует оставить всякое неуместное подражание Востоку, поскольку оно неизбежно остается внешним. Конечно, продуктивнее было бы в любом случае обращаться к истокам собственной духовной традиции. Как раз для России здесь возникают почти неодолимые трудности, поскольку в этом случае сразу же выставляется в качестве «исконной» традиции православие, именно оно теперь претендует на монополию в духовной жизни, как совсем недавно делал и большевизм. Но ведь оно отнюдь не является исконной традицией народов, населяющих испокон веку Россию, так же, впрочем, как и ислам. Самые разрозненные элементы Традиции можно встретить в так называемых языческих верованиях и обычаях, но они не сочетаются с теми элементами, которые вкраплены в доктрины и ритуалы мировых религий, а если и соединяются (например, замещением более древних имен и функций именами святых, принадлежащих этим религиям), то более глубокий смысл выветривается. Мало того, что православие было привито насильственными средствами, но оно было получено даже не из вторых, а из третьих рук, через самых ненадежных посредников. Разумеется, как любая монополия, оно борется всеми средствами, вполне даже не-духовными, против всякой критики, хотя бы это были и исторические факты, «истины факта», а не только размышления. Причем такие же факты сопутствуют вообще мировым религиям. Они, согласно идее Генона, представляют собой лишь ограниченные варианты воплощения Духовной Идеи, ни одна из них не может претендовать на полноту, как и вообще религиозная точка зрения является более частной, нежели чисто духовная и интеллектуальная. Во всяком случае, Россия в этом плане представляет собой поучительный пример тщетности обращения к чужой духовной традиции, в данном случае иудаистской, ведь христианство есть ответвление именно от нее, а она в духовном плане является западной; Н.А.Бердяев назвал ислам разросшейся сектой иудаизма, он мог бы это сказать и о христианстве на том же основании. И поскольку связь с собственной, исконной духовной традицией утрачена или насильственно прервана, то остается одна-единственная возможность — обратиться к духу места. Ведь этот-то дух, по крайней мере, не заинтересован в исторических и культурных «внушениях», искажениях и гипнозе, в которых бываюи заинтересованы все отжившие культурные формы, в том числе и религиозные (поскольку они полностью принадлежат уровню культуры и социума, не превосходят его),

как бывают заинтересованы вполне конкретные люди с вполне конкретными и даже материальными интересами. Но не одна ведь Россия оказалась в такой ситуации. То же можно сказать и обо всем человечестве, ведь судьба России — это судьба человечества в миниатюре. Как Россия должна обратиться к духу места, так и все человечество, погрузившееся уже почти полностью в атмосферу контртрадиции, должно, видимо, обратиться к Духу Земли. Так, в начале поэмы Гёте Фауст вызывал Дух Земли, правда, он это делал не совсем законными средствами. Иными словами, человечество должно занять не какую-то частную точку зрения, какой-нибудь религии или идеологии, оно должно встать на точку зрения Земли. Конечно, говоря о духе места, мы ни в коем случае не имеем в виду внешние проявления тех народов, которые обитают в этом месте. Ни обычаи, ни религиозные мифы, ни какие-либо другие культурные формы не служат полномочными представителями этого духа. Скорее, наоборот, это непроницаемые экраны, от него отделяющие, и по ним можно судить лишь гадательным образом.

Фауст, этот идеальный тип западного человека, вызывал (совсем как начальник подчиненного!) с помощью магических формул Дух Земли, а когда тот появился, то западный человек чуть не умер от страха. Скорее всего, это был посланник Духа Земли, так как в присутствии самого Духа Фауст просто бы сгорел дотла, но он не сгорел, а остался тлеть.

Современные религии слишком большой акцент ставят на «небесах», и что самое удивительное, наука тоже устремилась в небеса, понятия, правда, как чисто материальный космос. Но «небо» человека — это центр Земли. Нострадамус, например, был похоронен головой вниз, то есть в направлении к центру Земли. Дух Земли проявляется и присутствует во всей земной природе, жизнь в гармонии с природой и означала бы «встать на точку зрения Земли». Однако до настоящего времени человечеству этого сделать не удавалось. Почему? Да потому, что духовные сущности людей, живущих в настоящее время на Земле, несравнимо малы перед лицом энергетики и духовного уровня Земли. До тех пор, пока человек не сравняется с Землей по этому самому уровню (сейчас он только развязывает внешние для него энергии, точно как ученик дьявола) или, по крайней мере, сравняется по качеству своих энергий, все его лучшие намерения будут тщетными. В этом смысле ошибка геополитики состоит в том, что, пытаясь «прочесть» поверхность Земли, ее теоретики не стоят на точке зрения Земли, а преследуют свои, чисто материальные интересы. Разумеется, такой поворот сделать кажется чрезвычайно трудно.

То, что определенной части современного человечества представляется «прогрессом», научно-техническим в частности, нередко оборачивается еще большими проблемами, результатом «труда» может оказаться вскоре запустение на планете, а с духовной и энергетической (в смысле энергетики человека как живого существа), то есть вообще с антропологической точки зрения, является крушением: поезд пушен под откос, хаос «прогресса» только это и означает. Если бы человек ориентировался не на абстрактные небеса, не принимал бы посланников за богов, то, может быть, он был более чуток к проявлениям Духа Земли, который должен стать для него центральным ориентиром, тогда и духи мест не были бы ему враждебны, они были бы союзниками в деле продвижения человека по ступеням духовной иерархии, по сравнению с которой всевозможные выдуманные самими людьми иерархии и посвящения являются лишь дурной пародией.

Говоря о жизни в гармонии с природой, мы совершенно не имеем в виду Руссо или кто-нибудь из современных «беглецов» от цивилизации, это образцовые безнадежные попытки бегства от навязчивой исторической необходимости, при этом нельзя забывать, что эти персонажи демонстрируют сентиментальную реакцию на тот самый прогресс, а не интеллектуальную или духовную. К тому же идея природы в этом случае остается бессубъектной, но ведь: «Не то, что мните вы, природа...». Жить в согласии с природой означает быть открытым для тех знаний, которые поступают непосредственно из ноосферы, иметь доступ непосредственно к космическому сознанию. Закрывается же сей доступ или открывается, во-первых, по воле высших сил, во-вторых, в соответствии с уровнем индивидуального сознания и, в-третьих, в той степени, в какой удалось одолеть эгоизм, то есть «свихнувшуюся с ума самость», и только тогда слово «отсебятина» перестанет звучать как осуждение, говоря же научно, мышление перестанет быть авторитарным. Примером чуткого внимания к духу места и жизни в гармонии с природой может быть такой человек, который, если он идет в лес за дровами, прячет топор, чтобы не пугать и не травмировать деревья, а на дрова берет только сухостой, валежник или хворост. Тут же, конечно, последует возражение, разве можно миллиарды людей обогреть одним только сухостоем и хворостом? А что означает само это количество людей на Земле? В чем секрет этого пресловутого перенаселения и тесноты? Да это не что иное, как материализованная шизофрения человеческого сознания. По законам Божественной Вселенной Дух Земли, или ее тонкий план, «небеса», отзываются количественным ростом населения на непрекращающиеся в течение последних десяти тысяч

лет войны и убийства. «Небеса» так восполняют увеличивающийся информационно-энергетический дефицит Земли, ведь для них каждое убийство есть сигнал бедствия, запрос через жертву, которая всегда есть обращение к «небесам».

Глобалисты видят проблему в перенаселении планеты и свою цель в едином управлении всем населением, однако для того, чтобы был возможен такой действенный центр, нужна именно критическая масса; более вероятно, если даже эта критическая масса будет достигнута, очень быстрое сокращение численности человечества, так что на поверхности Земли будут встречаться лишь редкие разрозненные поселения, а человечество распадется на множество очень малых образований, которые нельзя даже назвать государствами. Конечно, в настоящий момент это себе представить трудно.

Хотя Р.Генон имел в виду Россию большевиков, но все же его позиция выглядит как своего рода запрет, когда он утверждает отсутствие здесь истинной традиции. В этом как бы запрете видно, что, несмотря на его собственное желание быть восточным человеком, он остается все же во многом западным; ему льстило, когда его называли индустром, но надежда на католичество, на традиционные элементы в нем для цели возврата к исходным истинным принципам, и не только это, свидетельствует о другом.

Для Запада Россия – Тартария (так она называлась на старинных картах, то есть погусторонний мир, ничто), для Востока – просто холодное пространство, Север, нечто неизвестное. Для всех она оказывается чем-то таким, что не вмещается в привычные схемы понимания, чем-то вроде моста вдоль реки или ворот посреди пустыни, за проход через которые вдобавок надо платить пошлину.

Но именно поэтому в судьбе России заключена разгадка судьбы всего человечества, и то, что будет с Россией, будет со всем человечеством. Иными словами, именно на просторах России надо учиться жить в гармонии с природой, в единении с Духом Земли; возможно это будет только после окончательного распада христианства, который неизбежно произойдет, о чем и сами христиане прекрасно осведомлены.

Современный западный человек считает, что никакой другой природы, кроме как объекта изучения наукой физикой или наукой химией, нет; природа для него это то, чего его рука еще не коснулась и где его именно нога еще не ступала, не независимо от ступания и касания кого-либо еще. Точнее говоря, для него к «природе» относится все, что не включается в его техническую деятельность и, уже поэтому, более примитивное в его глазах, это сон сознания, сон разума.

Поэтому самым первым возражением против очевидного требования жить в гармонии с природой выдвигается большое количество населения Земли, которое невозможно без этого обеспечить необходимыми средствами к существованию. Но ведь, во-первых, именно развитие по пути технологии и привело к неуправляемому росту населения, причем технология всегда не успевает догнать провоцируемые ею же потребности населения. Во-вторых, в человечестве утрачены, за исключением войны, все другие способы, какими другие популяции регулируют свою численность. Так, во времена крестовых походов и ранее, при так называемом переселении народов, «лишние люди» под разными предлогами (например, отвоевать Гроб Господень) вытеснялись из освоенных ими мест обитания. Этот прием регуляции численности населения известен и в так называемой дикой природе, например, крысы отправляются под предводительством самого «харизматического» вожака в дальние походы, когда в их местах обитания возникает перенаселение. И наконец, в-третьих, что представляет собою по своей сути с духовной точки зрения перенаселение, или «царство количества», по выражению Р.Генона?

Как мы уже говорили, неограниченный прирост населения — это материализованная шизофрения человеческого сознания, единство которого, то есть высшие принципы, ушло из поля зрения современного человека, а вожди и начальники этого населения вынуждены быть другой стороной противоположности, параноиками. Вся борьба за руководство этим рассыпающимся в материализации сознанием, борьба за власть, составляющая каркас видимой истории человечества, представляет собой борьбу семейств параноиков или кланов.

Разумеется, никаких рецептов для такого, даже не раздвоенного, а размноженного сознания о том, как жить в согласии с природой, дать невозможно. Но можно встретить примеры чуткости к голосам природы среди народных примет и того, что сейчас называют суевериями, но что, в действительности, является редуцированными вкраплениями некоего древнего знания. Разумеется, абстрактные религии, а таковыми являются большинство современных религий, относятся к такому знанию враждебно, и в сфере духовного знания хотят быть монополистами. Но чтобы владеть такими знаниями в полноте, надо обладать не только верой и чувствами, но и соответствующим интеллектом, не сводимым и не тождественным рациональному. Правда, это не касается напрямую отношения к природе и к Земле. Но разве современный разум — это не «обрезание» духовной связи с Землей, превратившее духовный интеллект и интуицию в плоский научный рассудок, в «ученый разум» Фауста, который в страхе отшатнулся от

Духа Земли и предался упражнениям в незаконной (т.е. узурпированной с помощью внешней магии, коей и является наука) и, к тому же, иллюзорной власти над силами природы?

Напротив, власть Духа Земли открывает перед человеком безграничные возможности. Как сказал автор одной священной книги о герое другой священной книги: «Если бы у него была вера, то он мог бы ходить не только по воде, но и по воздуху». Все посланники, из слов которых впоследствии люди складывали свои религии, на деле лишь указывали ориентиры на пути, по которому следовало бы идти, они не могли раз и навсегда дать правила жизни, ситуации которой непредсказуемы. Ходить по воде, а потом и по воздуху, надо полагать, вполне для человека возможно, как даосы летали «верхом на ветре», надо для этого научиться включать в работу те чакры, которые находятся под ступнями ног. Земное притяжение — вот что следует осознать, об этом, в данном случае, говорят посланники. Но преодолевать его не с помощью громоздких и зловещих железок, забрасываемых в небо, как это делает современный научный разум, а найти гармоничный для Земли и человека способ. Обычным современным людям, сознание которых почти полностью заблокировано материальными потребностями их физических тел, эти возможности кажутся чудесными.

Итак, в геополитике есть внешний аспект, но есть и скрытый, оккультный, для постижения которого мировые религии в их современном состоянии не имеют никаких средств, поскольку сами стали средствами и инструментами мировой политики. Интересно, что между Японией и Россией существует какая-то обратная симметрия: замкнутое, островное положение первой и, напротив, раскрытое во всех направлениях, слабо связанное коммуникациями пространство второй, ориентированность вовнутрь, с одной стороны, и ориентированность вовне, с другой. Японцы, хотя и перенимают все из внешнего мира, но все иностранное считают ниже и недостойней своего, напротив, русские перенимают как бы не ради себя, а ради внешней оценки, при этом все местные особенности и там и тут служат лишь декорацией³. Поэтому совершенно напрасными кажутся надежды на духовное возрождение России путем довольно внешнего, даже, по существу, эстетического оживления оболочки обновленной религиозности, этой «золотой бахромы на нишенском рубище», пришедшей на смену достаточно долгому атеизму.

Но, видимо, и на другие мировые религии надежды напрасны. Кажется, что их время прошло вместе с тем миром, для которого они создавались. Закончилась эпоха империй, которым эти религии, в

своим принципе, соответствуют, она закончилась, несмотря на видимую активность в этом направлении западных центров власти. Мировые религии предполагают мировое же господство, это с геополитической точки зрения панидеи, о которых писал К.Хаусхофер, хотя идеи более живучи, чем соответствующие политические формы, они вообще не синхронны в линейном историческом времени, что не отменяет соответствия. В своей книге «Царство количества и знамения времени» Р.Генон пишет, что вслед за «окаменением» материалистической эпохи приходит «распыление», то есть все эти «окаменелости» рассыпаются в прах. Это эпоха хаоса, где смешиваются все остатки и осколки от прежних иерархических структур, а всякая организация с претензиями на что-нибудь «мировое» непременно иерархична, против чего эгалитаризм и демократизм, присущие антитрадиционному духу, выступают явным образом, то есть работают на распыление.

Геополитика XX века противопоставляла островные и континентальные страны. Всякое противопоставление скрывает за собой какой-нибудь интерес и преследует чью-то выгоду. Создатели геополитических теорий — это англичане и немцы, выразители интересов тех кругов в своих странах, которые стремились к расширению границ, к созданию или укреплению империй. Кто владеет сердцем континента, тот владеет миром, — это первый лозунг геополитики. Понятно, что сердце континента, сердце земной тверди, так сказать, есть Россия. Если не удастся это овладение военным путем, то пускаются в ход и все другие средства, экономические, психологические, идеологические, оккультные, всякие. При всей хитроумности и всем лукавстве, сопровождающим эти невидимые военные действия, империи все равно не создаются, точнее, они начинают распадаться, как только возникли. Для России тоже является пагубной идея империи, то есть возрождение отживших свое, несоразмерных времени иерархических структур, нацеленных на расширение государства, ведь потенциально, в идее, империя всегда мировая. Эти идеи мировых империй — а они возникают периодически в разных точках мира, — суть ветхие одежды старой геополитики, которая, вообще говоря, должна была бы быть политикой человечества ради Земли (Гео — Земля), а не политикой раздиранья земной «одежды», то есть поверхности, ради все равно недостижимой цели. Целью же Гео-политики должно быть согласование действий человека с Землей.

Вообще, политика, принимая в качестве своей главной категории борьбу за власть, полностью отступает от своей настоящей задачи. Как известно, полис — это город. Первый известный евро-

пейский трактат с названием «Политика» (Аристотеля, а до этого была не «политика», а размышления Платона о законах, о государстве) посвящен государственному управлению и принципам общежития в этом полисе, то есть речь шла о городском управлении. Аристотелю мы обязаны этим акцентом на управлении, на власти и на формах власти. Но если посмотреть «в корень», а именно, в корень этого слова, то «полис» означает «много», то есть это место, где живет много людей. Следовательно, политика имеет дело с множеством и даже просто количеством, предмет политики — царство количества. А современная цивилизация как раз и началась с этих самых греков и их полисов, правда, взошла она на иудейских дрожжах (в Евангелиях иудеев называют «закваской», «солью земли» и пр.).

Города, если это не были города мертвых, всегда создавались пришельцами; местное население либо почти полностью уничтожалось (так индейцы были фактически уничтожены самой западной из всех западных стран, США, при ее становлении), либо практически превращались в рабов (как илоты в Греции и крепостные крестьяне в России), в России при становлении государства князь собирался как на войну, когда отправлялись за данью с местного населения; «в полоудье». Россию на Западе называли «Гардарики», то есть города, городки. Но на самом деле, эти «гардарики» были форпостами западных и скандинавских стран (корень этого слова: «охранять»), разрыв между местным населением и пограничными постами Запада на территории России, превращающимися в города, лежит очень глубоко, это не только разница в укладе жизни.

Город есть такое скопление людей (царство количества), в котором «политика» как внутри самого этого количества, так и вовне, всегда реализуется через власть как насилие. Внутри — поскольку разнородные пришельцы (яркий известный в истории пример разнородности — основание Рима, но по этому же типу возникали многие древние города) приносили с собой военно-разбойничий строй взаимоотношений, ведь они оказывались осколками от почти забытых (или потерянных по дороге) прежних традиций; эти осколки не прилаживались друг к другу, а напротив, дробились общими для всего города законами, создаваемыми уже специально. Солон, как известно, навязав грекам свои законы, заручившись заранее клятвами, что они будут эти законы исполнять, тут же уехал из Афин, чтобы афиняне его не побили. Вовне, по отношению к местному населению власть также оборачивается насилием, то есть принудительным трудом. Так что под таким давлением и местное население не могло сохранить

связь с духовной традицией. Одним ударом разрушается всякая традиция и парализуется подлинная духовная жизнь в согласии с духами места. Все это характерно и для России.

Города древних цивилизаций — это резиденции царей, власть этих царей опиралась не на насилие, а на духовный авторитет и магические знания, и они своей собственной жизнью отвечали за жизнь и благополучие своих подданных. Символический жест, явление царей-магов к колыбели Иисуса с символическими же дарами означает конец законной царской власти, ее отдали, от нее таким образом отреклись, она лишилась духовного авторитета и магической силы, с этого момента она вынуждена прибегнуть к насилию. С этого момента все цари — захватчики и самозванцы, и они предпочитают быть императорами. С иерархической точки зрения это означает устранение высшей ступени пирамиды. Если воспользоваться индуистскими наименованиями, то на смену брахману пришел кшатрий (мистический эпизод убийства брахмана или святого означает переход к другому состоянию мира); тенденция продолжается переходом на следующую ступень, но не вверх, а вниз, и власть переходит к вайшьям, затем — к шудрам, и наконец, к внекастовым существам, рабам. Эгалитаризм на этом уровне и есть правление рабов. Это равенство по низшему уровню, ведь когда пирамида переворачивается, то под непреодолимой силой тяжести она рассыпается. Правда, царям-рабам придается видимость законности через ритуал посвящения, но потеряв свою магическую опору, она, хотя внешняя оболочка может сохраняться еще долго, все больше и больше вынуждена прибегать к насилию, постепенно вырождаясь в демократию и анархию, как будто следуя схеме Аристотеля: у него власть, как нить судьбы, проходит через все сословия, начиная с аристократии; сначала ею владеют умные, затем сильные, потом хитрые, а в конце — негодные, лишь заполнители мест.

Если в Европе такой процесс шел через смертельную борьбу династий, то в России все происходило как бы в двойном отражении. Заимствованная, так и не укоренившаяся религия (ведь с ней довольно легко расстались во время революции 1917 года, потому что двоеверие никогда и не прекращалось), заимствованный у Орды чиновнический порядок (слово «орда» и означает порядок), заимствованная в Европе городская культура, заимствованный в Византии образ царской власти (а этот образ и там был уже далеко не подлинником), — с таким набором несовместимых начал пришла Россия к XX веку. Но отрекаясь от всего этого конгломерата, она приняла еще более обнаженный вариант западного антитрадиционного духа, против которого эти обветшавшие вторичные формы не могли устоять. В любом

случае, ничего утешительного мы здесь не встречаем. Но, в конце концов, тем лучше! Участь Советского Союза на территории России тоже символична, Советский Союз распался по причине деградации власти, та же участь ожидает и США, то же будет и с мировым закулисным правительством, если такое действительно существует. Ведь чем бессильнее в духовном и магическом плане власть, тем больше требуется насилия, тем более громоздким становится управление множествами в «царстве количества», и тем менее она, власть, становится чувствительна к голосу природы, стремясь как бы выйти из под владычества Духа Земли.

Наличие людей, способных отказаться от привычных и навязываемых схем понимания истории, судьбы человечества, в том числе и от навязываемых схем понимания русской истории, говорит о возникновении, возможно, пусть небольшой, интеллектуальной элиты, правда, даже высокого интеллекта было бы недостаточно, чтобы не только вникнуть в смысл геополитической роли России, но и повернуть ход событий, которые в настоящий момент не так безопасен, как хотелось бы. Для этого требуется совсем, казалось бы, немного — переориентировать сознание, раскрыть его к «точке зрения Земли», ведь в России всегда неоспоримой традицией было почитание Земли. «Мать-Сыра-Земля», обычное выражение в России, означает вовсе не некую «влажную почву», русский язык очень близок санскриту, поэтому в этой поговорке есть, скорее, отзвук какого-то древнего знания: «Мать — Сурья — Земля», Сурья мать Земли или наоборот, во всяком случае, их упоминали вместе и в родстве.

* * *

В западной философии противопоставление природы и свободы есть отдаленное следствие христианского вынесения Бога «за скобки», то есть противопоставление мира и Бога, царства земного (где правит князь мира) и царства небесного (где царствует Вседержитель, как будто Он не все во всем). То есть христианство, несмотря на провозглашаемое единобожие (даже если не рассматривать учение о троичности), проводит разделение в своем понимании Бога, отделение его от мира, который для него лежит «во зле». Следствием этого, едва прикрытого дуализма и является противопоставление природы, то есть мира, и свободы, то есть духовного начала. На деле нигде, кроме природы, при всей неопределимости этого универсального понятия, невозможно обрести свободу. Именно она предоставляет всю иерар-

хию степеней свободы. Отвергая эту иерархию, человек измышляет множество искусственных, то есть взятых по случайным основаниям, иерархий. Фауст, образец западного человека, ученый, но еще не порвавший с магией, хотя обращающийся к ней уже чисто внешним образом, умоляет скрыться Дух Земли, то есть дух природы, и вызывает служебного духа, инструментального, так сказать, который и дает ему мгновенную, на одно «прекрасное» мгновение, иллюзию свободы, ведь поэму можно трактовать и как предсмертное видение.

Выбор Фауста, западного человека, — это: «в начале было дело», то есть активизм в материальном мире, характерный для современной цивилизации. Активизм проявляется в геополитике как жажда власти, но ведь этот комплекс власти отнюдь не есть добрая воля, это болезнь духа. Кто владеет сердцем земной суши, тот владеет миром, затем этот лозунг как бы сдвигается: кто владеет морем, владеет миром, и далее, в параллель с развитием техники, он еще сдвигается, на этот раз вверх: кто владеет воздухом, владеет миром, кто владеет космосом, владеет миром. Наконец, кто владеет информацией, владеет миром! Однако все это относится к материальному уровню. Такое продвижение геополитической мысли говорит не только о патологической «воли к власти», но, в первую очередь, о ее неискоренимом материализме. Однако очевидно противоположное: кто владеет истинным знанием, тому принадлежит и власть над миром. Парадокс состоит в том, что это истинное знание не дается тому, кто стремится к власти, его нельзя добыть негодными средствами и способами, к тому же, не всякому оно дается, требуется определенное качество личности, в противном случае бывает как в сказке про награды от хозяина леса, когда серебро превращается в осколки льда, или как у Гоголя в «Заколдованном месте», где казаку никак не вытанцовывалось, а клад золотых монет оборачивался черепками.

Истинное знание, как бы изошренно его ни искали, не дается тому, кому оно не предназначено, но никуда с Земли оно не исчезает; возможно, что оно, закодированное в идеальном алфавите или в полном наборе рун, о которых имеются лишь обрывочные сведения, да и те в намеках, ожидает, наверное, своего часа, как Чаша Грааля ожидает своих рыцарей. Поддельные «священные» истории с географией не дают для такого поиска никаких ориентиров. Священная география — наука, полностью утраченная к настоящему времени, — могла бы дать указания, как и где искать эти закодированные знания. Современная же геополитика, материалистическая по духу, опирающаяся на географию поверхности, исчерченную геометрическими линиями, даже дополненная чисто эмпирическими

изысканиями геомагнитных, геопатогенных или, напротив, благоприятных зон, или другими параметрами, ничуть не продвигает нас в направлении «священной географии», не научает человека понимать Землю и общаться с ней. Благородный и достойный человек не может не быть патриотом Земли, начиная с дома, где живет, малой родины, большой родины и, наконец, планеты, ведь именно с центром Земли связан человек энергетической нитью, именно ее Парки обрезают в момент смерти. Рассуждения же геополитики о границах напоминает образ мыслей портного: там отрезать, здесь присоединить, пространство же представляется при этом как какая-нибудь материя, пусть даже с рельефом и какими-то особыми качествами. Вопрос, якобы, шел всегда о «естественных» границах, которые наиудобнейшим образом облекали бы конфигурации расселившихся к настоящему моменту народов. Процесс глобализации на первый взгляд ведет именно к упразднению границ, стиранию этой конфигурации, то есть к отмене основного признака государства, так что известному предсказанию В.И.Ленина об отмирании государства как будто суждено осуществиться, хотя, наверное, по другому сценарию. Предположим, что это будет достигнуто, критическая масса населения на Земле приведет к созданию единой империи для всех, очевидно, что такое управление допускает и даже предполагает максимум насилия, а абсолютное насилие — это уничтожение объекта, таким образом, критическая масса очень быстро превратится в свою противоположность, и империя рассыплется в прах. Возможен и другой исход событий, а именно, установление истинной иерархии, в которой каждый будет находиться на своем месте в едином гармоничном множестве, соответствовать своему месту по уровню сознания и по мере доступности для него знаний, приходящих из ноосферы, которую сейчас, кстати, понимают в перевернутом виде, как если бы она была следствием деятельности человека, в то время как, наоборот, деятельность человека полностью зависит от того, какой он имеет к ней доступ, на каком уровне и насколько объемный или частичный. Ноосфера — это космическое сознание, экран Земли, на котором знание представляется в удобоваримой для человека форме. Ясно, что современные глобализаторы не в состоянии определить принципы, на которых строится эта иерархия, потому что опыт не дает никаких намеков на ее возможность, ибо в существующих государствах все занимают чьи-нибудь места, все находится не на своем месте, потому и оказывается неизбежной война всех против всех. Сейчас глобализация идет через войны и насилие всякого рода, через уничтожение остатков всех

прежних иерархических структур, если они вознамерятся сопротивляться процессу; да если даже и будут ему содействовать, они все равно будут стерты. Из их праха, из пыли безразличного равенства, оставленного этой «всевойной», подобно Фениксу из пепла, восстанавливается то, что, как дитя при своем рождении, пребывает в совершенном согласии с космосом и с Духом Земли. Это и есть принцип иерархии — содействие Земле. Современные же глобализаторы, которые относят себя к элите, к «золотому миллиарду», выполняют свою роль мусорщика, то есть они выметут остатки истлевших государственных и других институциональных форм (религии, искусства, права, образования и т.п.) и самих себя вместе с этими формами. Кстати сказать, почти во всех религиях есть идея конца света, в христианстве он символизируется пришествием антихриста, это пришествие можно интерпретировать как исчезновение христианства, смену веры матерей (христианства) верой отцов: вера отцов ориентирована на Дух Земли. Интересно, что в Древнем Египте Земля представлена в мужской ипостаси. «Мать Земля» — это ее поверхность, то есть принцип проявленного мира, а проявление (Майя, Ма) действительно во власти женского принципа.

«Новый порядок», к которому стремится процесс глобализации, устанавливается пока насильственным разрушением определенных государств, для этого развиваются новые типы оружия, разрушительные не только для населения и инфраструктур, но и для природы и планеты в целом. Оружие есть вершина развития цивилизации, ее острие. По сути, современное вооружение и технологии есть упрощение и обеднение природы. Например, вода, как оказалось, структурирована таким образом, что она «запоминает» происходящее. С этой ее способностью, кстати, связано и магическое ее использование. Океан, таким образом, представляет собою гигантское хранилище информации, память планеты. Причем память эта закодирована, можно сказать, бесконечным алфавитом. Отравленная отходами человеческой деятельности или мертвая вода — это вода с искаженной, перетасованной памятью. Лайнеры, подлодки, атомоходы, разлитая нефть и пр. прокладывают нечто подобное асфальтовым дорогам среди леса, то есть обедняют ноосферу Земли (ноосфера не где-то в небесах, а пронизывает собою все). То же самое можно сказать не только о воде, но и о любых стихиях. Вся человеческая деятельность в режиме современной цивилизации как бы закатывает сплошным асфальтом Землю. Но что такое, по сути, современная технология и наука? Это объективация «скелета» абстрактного человека. Абстрактный человек выносит во вне и матери-

ализует абстрактные же, что неизбежно, схемы своего собственного устройства. Цивилизация и есть схема абстрактного человека, в каждой цивилизации реализуется своя схема, однако из их множества не сложится единой сущности человека, как из множества точек не возникнет непрерывная линия, между двумя соседними всегда можно втиснуть еще одну или даже бесконечность. Иными словами, из объединения разных схем (например, религиозных в экуменизме) никогда не возникнет органичного целого, поэтому в процессе глобализации для удержания синтезируемых социальных организмов требуется насилие власти: объединенные схемы столь же далеки от полноты целого, как знаки зодиакальных созвездий от жизни звезд. Иными словами, в финале процесса глобализации, впрочем, процесса объективного, окажется «увековеченным» один из самых бедных и плоских вариантов схемы абстрактного человека. Но эта «вечность» не может продлиться долго, потому что схема жесткая, а потому хрупкая, она как бы сплошь состоит из треугольников (троичный принцип), истинная же иерархия — это гибкая структура, как жидкий кристалл, весьма прочный, вопреки видимости. Истинная иерархия использует принцип спирали, отсюда и цикличность времени, она обволакивает незаметно, проявляется как малозаметное препятствие, облекая все петлями, кольцами, волнами и спиралями. При прямом действии она не терпит крови, в смысле убийства, и не признает ее, в смысле родства. Сейчас это кажется невероятным и фантастичным. Так, для жителей Помпеи неоплаченный долг, больной зуб или возможная прибыль были очень важны и как бы загораживали собою все более масштабные, общие проблемы, как загораживает Солнце монета на вытянутой руке. Везувий стер все проблемы и планы этих жителей. Такая возможность была тайной для них. Таковы же оккультные знания, они просто другого масштаба. Для геополитики именно этот масштаб важен, кстати, оккультной стороной этой науки никогда не пренебрегали ее последовательные адепты. В Германии эти науки специально развивались в знаменитом институте Аненербе, в котором помимо ядерного оружия изучали оккультную географию, память воды и другие столь же интересные предметы, правда, все это изучалось в качестве возможного оружия. Почему же, достигая таких тайных знаний, немцы все же потерпели поражение от России, а отнюдь не от более продвинутой Европы? Во-первых, цель этих исследований никак не соответствовала предполагаемому знанию. Во-вторых, сами исследования носили характер манипуляции с вещами, веществами и символами, характер «орудования», с опорой на орудия-посредники,

что, впрочем, свойственно вообще для современного понимания магии. В-третьих, эти науки и поиск знаний были организованны. Но как нельзя организовать философию, то есть любовь к истине, так нельзя организовать и оккультное познание. Тем более, что организация такого рода неизбежно есть слепок с существующего типа социальной организации в данном месте и в конкретное время, это все равно что светский салон организовать в лагере для заключенных. В-четвертых, самое главное — это то, что ориентация всей этой деятельности все равно была материальной, равно как и двигал этим материальный интерес: материалистическими же были и основные схемы теории. Таким образом, эти исследования носили характер орудования, то есть материалистический и манипулятивный. Совершенно выпадала из поля внимания оккультная сторона поступка и вообще поведения, чем чаще всего занимается религия. Здесь же поведение и поступки были отданы на откуп идеологии, как, впрочем, и в России.

Оккультная сила поступка и поведения, а точнее, пренебрежение ею, и оказалась невидимым камнем преткновения. В этом плане со стороны Сталина тоже совершались известные ошибки. Неверным шагом было вскрытие гробницы Тамерлана (в тот же день была объявлена война России), после же вторичного захоронения его останков в тот же самый день произошел перелом хода битвы под Сталинградом. Роковой ошибкой с точки зрения оккультного смысла поступка было для Германии то, что немцы эшелонами вывозили плодородную землю (чернозем) с Украины. Это все равно что с живого содрать кожу, фактически, в оккультном плане они произвели децентрацию энергетической сетки поверхности планеты, вследствие чего сдвигается ауретический контур планеты, подобно тому, как дела подтяжку лица, сдвигают акупунктурные точки. Отдаленным следствием этого сдвига, возможно, был взрыв в Чернобыле, которому Земля не стала или не смогла препятствовать. Удивительно, что этого не понимали теоретики в Аненербе, знатоки «священной географии», которая тоже рассматривалась как основа супероружия, что бросается в глаза в послевоенных решениях победителей относительно границ и вообще политической карты в случае Израиля посреди арабского мира и Калининградской области посреди европейского мира. И хотя соотношение священной и политической географии — это особая тема, все же всегда можно разглядеть за пространственными решениями (будь то масштаб города, страны, планеты или квартиры) разнообразные незримые силовые линии и оккультные смыслы.

Что верно для географии и ее оккультной составляющей, то верно и для истории. Западное мышление выстраивает события истории по оси линейного времени и старается срастить их воедино, придав такому мнимому линейному движению какой-то смысл, пусть это будет «священная история», коренящаяся в представлениях иудаизма (избранный народ, конец времени, мессия и т.п.) или же это будет поступательное движение эволюционистов и прогрессистов, предлагающих в качестве конечного смысла «светлое будущее». В любом случае предлагается линейное историческое время, будет ли это прямая линия или круговая, не имеет значения. Важно, что предлагается детерминированная связность событий «на виду», на поверхности, если так можно сказать, исторического времени. Оккультная же точка зрения на историю может предполагать, скорее, иной ее образ: на глади поверхности причинного Океана разбегаются круги от брошенных камешков; удар камешка о поверхность есть историческое событие: разбегающиеся круги, пересекающиеся со множеством других кругов, создают зыбь, это исторические отзвуки событий и память. Гладь может и вновь установиться, это чистые, то есть пустые страницы истории, вечный мир, так сказать. Историческое время в таком случае отнюдь не линия, а непрерывно рыскающий вектор.

Однако современный оккультизм по своим методам ориентирован (включая и ученых Аненербе) на современную аналитическую науку, отличие состоит лишь в представлениях, которыми манипулируют при помощи этих методов. Парадоксально, но и сверхчувственные способности также стараются свести к научным представлениям и исследовать научными методами, то есть в конечном счете опирающимися на данные чувств. Но смысл этих способностей в другом: показать, что душа знает все, а тело все помнит. Тогда возникает вопрос, почему же в таком случае человек не обладает пусть не всемогуществом, но, по крайней мере, полнотой знания? Да потому, что эта память тела и это знание души неким образом разнесены во времени: душа как законченный вектора, а тело его луч. Пока душа обратится к памяти тела, вектор уже сместился. Остановка времени (например, в момент смерти) и есть мгновенное всезнание, остановись мгновенье, ты — прекрасно.

Все это исключается из поля зрения «строителей нового мирового порядка», а процесс глобализации, к которому пришла современная цивилизация, продолжает строиться на рабских «принципах», и если «мировая закулиса» полагает, что глобализация неизбежна, то

ее следует, по крайней мере, облагородить, а это под силу лишь тем геополитикам, которые обратятся к Духу Земли. Достойная и благородная позиция Р.Генона может быть здесь весьма уместной.

Примечания

- ¹ Согласно К.Хаусхоферу, Россия «втискивается» между Европой и Азией, он не говорит, что они в России встречаются.
- ² *Державин Г.Р.* Соч. Л., 1987. С. 278.
- ³ Хотя геополитически они как бы противоположны — одно государство островное, а другое континентальное, — но по отношению к традиции они схожи, несмотря на склонность японцев к самоизоляции и ,напротив, «открытость» русских (о чем писал Ф.М.Достоевский). Сходство это как раз в «декоративности» культурных традиций, чему, разумеется, есть свои исторические объяснения.